

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
<i>Текстологическое примечание</i>	14
ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕ АРТУРЕ	15
<i>Мерлин</i>	17
<i>Рыцарь о двух мечах</i>	43
<i>Артур и Гиневра</i>	62
<i>Злодейство Феи Морганы</i>	70
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЭРА ЛАНСЕЛОТА ОЗЕРНОГО	83
ТРИСТРАМ И ИЗОЛЬДА	109
<i>Изольда Прекрасная</i>	111
<i>Тристрам и рыцари Круглого стола</i>	175
<i>Воссоединение Тристрама и Изольды</i>	192
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЯТОГО ГРААЛЯ	197
<i>Чудо святого Грааля</i>	199
<i>Начало приключений</i>	210
<i>Испытания продолжаются</i>	231
<i>Ланселот и Галахад</i>	242
<i>Чудеса Галахада</i>	247
ЛАНСЕЛОТ И ГИНЕВРА	257
<i>Отравленное яблоко</i>	259
<i>Прекрасная дева из Астолата</i>	269
<i>Рыцарь на телеге</i>	286

СМЕРТЬ АРТУРА	299
<i>Начало раздоров</i>	301
<i>Месть Гавейна</i>	315
<i>Ланселот и Гавейн</i>	329
<i>День гнева</i>	334
<i>Прискорбная смерть и уход из сего мира</i>	
<i>сэра Ланселота и королевы Гиневры</i>	345
 ПРИЛОЖЕНИЕ	 355
<i>Рыцари Круглого стола (от переводчика)</i>	357
<i>Указатель имен</i>	379
<i>Примечания</i>	393

Предисловие

Сэр Томас Мэлори происходит из семейства, бережно хранившего традиции рыцарского кодекса чести. Его предки были «джентльмены, исстари носившие доспехи»¹, они состояли в кровном родстве с норманнами и викингами, так что можно поверить: сил, чтобы носить доспехи, у них хватало. Мэлори поселились в Уорикшире, в Ньюболд Рэвл и завладели обширными поместьями по всему графству. Томас, наследник родового титула и владений, волею судеб оказался вовлечен в более глобальные конфликты. Он появился на свет в первом десятилетии XV в., в пору хаоса и насилия. Ричард II лишился трона, а затем и жизни в 1400 г.; его преемник Генрих IV, как всякий успешный узурпатор, вынужден был постоянно бороться с новыми мятежами. В королевстве царил беспорядок. Обстановка всеобщей подозрительности и нескончаемого насилия, описанная на страницах «Смерти Артура», отразилась в конфликте Артура и Мордреда.

В эту пору битв юный Томас рос на великих сказаниях о рыцарских подвигах. Они составляли неотъемлемую часть воспитания джентльмена. Ему читали вслух «Брута»² и аллитерационную *Morte Arthur*³, трубный призыв к рыцарскому духу. Он посещал турниры и состязания, где в грохоте и блеске оживали слова старинного эпоса и баллад. Слова Мэлориписателя вполне применимы к его собственному детству: «Это дитя вечно будет стрелять или метать копье и с радостью взирать на битвы и скачущих рыцарей»⁴.

Наставляли его и во всех искусствах, какие полагалось знать рыцарю в феодальную эпоху, то есть учили скакать верхом, охотиться с собаками и соколами, стрелять из лука. Первый критик, вспоминая Томаса Мэлори в XVI в.⁵, утверждал, будто он «с юности выделялся героическим духом

и множеством замечательных талантов». Действительно, в четырнадцать лет он отправился в свите графа Уорвика на войну против Франции. Он служил «копейщиком» в Кале, а четыре года спустя фигурирует в списках личного состава в Нормандии. Вероятно, он принял участие в осаде Руана⁶ и служил под началом Генриха V. Вряд ли случайно, что именно этот король часто сравнивается в его книге с легендарным Артуром.

В 1433-м или 1434 г. в возрасте двадцати с небольшим лет Томас унаследовал семейное поместье. Через восемь лет осуществилась самая амбициозная его мечта: Томаса посвятили в рыцари. Он также занимал должности мирового судьи, члена Парламента и шерифа Уорикшира. Это весьма значимые посты; Мэлори принадлежал к верхушке местной иерархии. Шериф — ключевая фигура графства, он подчинялся непосредственно королю. Дом в Ньюболд Рэвл расширили, в том числе и потому, что Томас собирался обзавестись семьей. Имелось и немало слуг, в том числе арфист, который воспевал любовь и рыцарство, пока гостей обносили вином. Очевидно, Мэлори принадлежала изрядная библиотека. В ту пору книги держали под замком, оберегая, как ценнейшее сокровище.

И тем не менее Томас Мэлори отнюдь не был образцом учености или куртуазных добродетелей. В начала XX в. американский исследователь обнаружил судебный отчет — отчасти обгоревший, — в котором Мэлори вменялись изнасилование, нападение из засады, покушение на убийство, кража, вымогательство и бандитизм. Вполне точная картина жизни рыцаря XV в., хотя она и мало соответствует идеалам средневекового рыцарства. В 1451 г. Томас находился под арестом в усадьбе Куолсхилл Мэнор. Он сбежал оттуда, переплыв крепостной ров, — звучит романтично, однако в те времена ров использовался вместо канализации. Сбежав, Томас собрал импровизированную армию и напал в своем же графстве на Комбское аббатство⁷, похитил оттуда деньги и ценности. Он был заключен под стражу и следующие восемь лет по большей части провел в тюрьме. Он бежал из тюрьмы

в Колчестере в 1455 г., пригрозив надзирателям оружием. Формальный суд так и не состоялся в связи с явным нежеланием присяжных являться на заседание, и всякий раз Томаса Мэлори освобождали под залог. Затем он попал в Ньюгейт, но причина этого ареста нам неизвестна.

В ту пору тюремное заключение переносилось вовсе не так тяжело, как в XXI в. Рыцарю предоставлялись отдельные покои, разрешались свидания с родными. И денег у него хватало, чтобы окружить себя всяческой роскошью. В конце одной из своих книг об Артуре он именует себя «рыцарем в темнице», из чего мы заключаем, что по крайней мере часть «Смерти Артура» там и была написана; можно считать этот эпос замечательным образцом тюремной литературы наряду с «Путем паломника» Беньяна⁸ и «Утешением философией» Бозция⁹. Этой ситуацией объясняется, вероятно, проникший в повествование меланхолический тон, ностальгия в сочетании с мрачным видением судьбы. Повесть об Артуре проникнута чувствами утраты и быстротечности жизни, а также стоической покорностью судьбе — вполне вероятно, таков личный опыт автора.

Судебной амнистии сэра Томас Мэлори дождался осенью 1462 г. Он упомянут в списке рыцарей, готовившихся к вторжению в Нортумберленд. Он уже старый, очень опытный воин. А затем его имя исчезает из официальных документов вплоть до его смерти весной 1471 г. Как и где он умер, неизвестно. Похоронен он в церкви Серых братьев¹⁰ подле Ньюгейта, а это, вероятно, означает, что он снова оказался в той же знаменитой тюрьме. Церковь и кладбище давно превратились в руины, но не они хранят память о писателе, а *Le Morte Darthur*, изданная Кэкстоном¹¹ летом 1485 г. и с тех пор публиковавшаяся постоянно.

Творение Мэлори пронизано требованиями и ритуалами рыцарского кодекса, сложившимися в XII в. идеалами воинской доблести. К примеру, король Артур лично участвует в битве, ибо в ту пору хорошим правителем считался правитель-полководец и воин. Если монарх угоден Богу, Господь

пошлет ему победу в сражении. Таков закон жизни. Вести армию в бой было одной из главных привилегий и обязанностей владыки, поскольку в ту пору войны не прекращались. И в эпосе Мэлори рыцари все время заняты осадами и битвами. За любой клочок земли идет спор, ни одна корона не держится прочно на голове. Все, таким образом, зависит от воинской доблести.

Средневековый вельможа воспитывался на примерах отваги и доблести. Юный паж, неменный участник рыцарских приключений у Мэлори, всегда — отрок благородного происхождения. Он воспитывается в большом замке, служит своему господину и учится владеть оружием. Его заветная мечта — стать рыцарем, лучше всего на поле боя. Обычно в рыцари посвящали в возрасте двадцати одного года, это было нечто вроде повторного крещения. Перед обрядом юноша совершал ритуальное омовение, приносил обет целомудрия, постился до заката, а ночь проводил в молитве. На рассвете он исповедовался в грехах, шел на мессу и принимал причастие. Затем он опускался на колени перед своим «крестным» и клялся соблюдать законы рыцарства и защищать добродетель всех женщин, он также провозглашал, что «будет говорить правду, помогать беззащитным и угнетенным и никогда не повернется спиной к неприятелю». Звание рыцаря давало не только духовные, но и материальные преимущества. Генрих III¹² запретил помещать рыцаря, арестованного за долги, в общую темницу, и хотя его собственность могла быть конфискована, боевой конь оставался неприкосновенным.

Рыцарство представляло собой уклад, в котором законы чести отодвигали на второй план понятия права и справедливости. Например, ведение осады регулировалось сложными правилами и предписаниями, соблюдались определенные принципы обращения с пленниками, полагалось уважать послов и соблюдать все пункты договора. Во время войны рыцари щадили жизнь и свободу других рыцарей, преспокойно вырезая простой народ вкупе с женщинами и детьми. В повествовании Мэлори никто не проливает слез над участью

крестьян и пастухов. Этот писатель-аристократ свободен от сентиментальности Чосера¹³ и Ленгленда¹⁴. В таком контексте и следует понимать пространные описания состязаний и турниров у Мэлори: это ритуальные сражения со своим кодексом и системой ценностей. В них участвовали отряды хорошо обученных рыцарей, действие разворачивалось на большом участке земли, то есть турнир во всем походил на настоящий бой, с той оговоркой, что спешенный рыцарь удалялся с поля, оставив своего коня и оружие победителю. К XV в. турниры превратились в режиссированное зрелище, демонстрацию основных приемов и принципов боя. Честолюбивые молодые люди могли таким образом испробовать свои силы.

Сюжет о поисках святого Грааля показывает, что рыцарство неразрывно связано с идеалами и чаяниями христианства; собственно, оно и зародилось в первые крестовые походы, когда рыцари под знаменем креста выступили против неверных. Рыцарь-крестоносец должен был приуготовиться с помощью молитв, поста и бодрствования. Христианское войско считало себя не только солдатами, но и паломниками. Складывались культы святых — покровителей воинов, таких как святой Георгий¹⁵ и святой Виктор¹⁶, религиозные ордены храмовников и госпитальеров предлагали объединить рыцаря с монахом. От рыцаря тоже требовались набожность и целомудрие, образцом рыцарства был, разумеется, сэр Галахад, чье целомудрие так трогательно воспето в книге Томаса Мэлори. Но вместе с тем рыцарство признавало и кодекс куртуазной любви, прославлявший женщину как источник чести и добродетели. Рыцарь сражался за свою даму, любовь к ней делала его сильнее и отважнее. Ланселот и Гинебра, Тристрам и Изольда принадлежат к числу самых знаменитых влюбленных пар мировой литературы, им посвящены многие страницы «Смерти Артура». Подобно платонической любви в античной культуре (та, как правило, связывала между собой героев-мужчин), куртуазная любовь была тенью или эхом небесной гармонии¹⁷.

Оба кодекса — рыцарства и куртуазной любви — одинаково далеки от повседневного житейского опыта, особенно для того времени, когда Мэлори взялся за перо. К XV в. английские рыцари утратили прежнее значение основной боевой единицы, они теперь чаще предводительствовали в Парламенте, чем на поле боя. И этим, опять же, можно объяснить свойственную повествованию Мэлори печаль: он славит рыцарство и куртуазную любовь в то самое время, когда они уже близятся к закату.

По словам самого автора, его великий эпос составлен на основе нескольких «старинных книг». Эти «старинные книги» представляли собой *roman courtois** и *roman d'aventures***, два жанра, наиболее популярные у французского дворянства. Мэлори внимательно перечитал французские прозаические романы, посвященные приключениям Артура, и переработал их в цепочку самостоятельных историй, в каждой из которых сюжет следует за приключениями отдельного рыцаря или группы рыцарей. Богословские рассуждения Мэлори опускает и в целом заметно сокращает французские источники¹⁸. Он человек скорее практичный, не склонный к духовным поискам и обобщениям. Краткость сделалась основным принципом повествования, насыщенного неожиданными приключениями и внезапными поворотами; автор предпочитает драматический диалог затяжным внутренним монологам, показывает напряженные эпизоды, а не живописует в подробностях характеры. Эти самостоятельные истории Мэлори выстраивает в непрерывный ряд, как будто они составляют органическое целое, — так же строились и английские соборы.

Звучная, изысканная проза Мэлори послужила вечному прославлению короля Артура. *Le Morte Darthur* вдохновила образами Артурианского эпоса и Мильтона¹⁹, и Драйдена²⁰, а в XIX в. Теннисон возродил сюжеты Мэлори в «Королевских

* Куртуазный роман (фр.). — Прим. пер.

** Приключенческий роман (фр.). — Прим. пер.

идиллиях»²¹. Уильям Моррис написал «Защиту Гиневры»²²; Алджернон Суинберн создал «Тристрама из Лионесса»²³. Круглый стол присутствовал во всех библиотеках викторианской Англии.

Мэлори сохранил для потомства образы Ланселота и Гиневры, Галахада и Гавейна, Тристрама и Изольды, лукавого колдуна Мерлина и Артура, короля ныне и навеки. Именно через «Смерть Артура» Артур обрел посмертную жизнь в преданиях о Средневековье. Исторические свидетельства в пользу реальности такого правителя отсутствуют. Возможно, на исходе V столетия британский корольек — военный предводитель одержал победу в сражении против завоевателей англов в местности, которую мы знаем только под именем Mons Badonicus, но и в этом уверенности нет²⁴. Быть может, король Артур — лишь плод национального воображения. Но в том-то и заслуга изобретательного гения Мэлори: Артур и Круглый стол обрели постоянное, неизменное место в душе англоязычного читателя.

Текстологическое примечание

В своем пересказе я изменил название *Le Morte Darthur* на «Смерть короля Артура», которое более точно соответствует содержанию книги*. Я изо всех сил старался передать средствами современного языка звучную, бодрящую прозу Мэлори, и это скорее свободная передача, нежели педантичный перевод. Ради простоты и ясности я существенно сократил общий объем. Надеюсь, что таким образом отчетливее проступит самая суть повести об Артуре и его рыцарях и обитатели Камелота станут нам ближе и понятнее. Мэлори зачастую болтлив, склонен к повторам, и многое из того, что заинтересовало бы средневековую аудиторию, не пользуется успехом у современного читателя. Я также втихомолку исправляю внутренние противоречия текста. Несмотря на такие вольности, я все же льщу себя надеждой, что мне удалось передать величие и страсть прекрасного первоисточника.

* Историю названия см. в послесловии.

Повесть о короле Артуре

Мерлин

В буйные древние времена правил в Англии король по имени Утер Пендрагон, и был он драконом в силе и драконом во гневе. В его королевстве насчитывалось много самостоятельных королевств, которые враждовали друг с другом, и так вышло, что однажды он призвал к своему двору в Винчестере некоего могущественного герцога. Сей вельможа господствовал в Корнуолле и звался герцогом Тинтаджиля²⁵; управлял он западными племенами из твердыни своего замка на скалах, смотревшего на свирепое море. Утер Пендрагон просил герцога привезти ко двору супругу, Игрэйну, славившуюся несравненной красотой. Игрэйна была не только красива, но и мудра. Говорили, будто она, лишь глянув на человека, распознает все, что сокрыто в его сердце. Когда герцог с супругой предстали перед королем, Утер поднялся с трона и раскрыл объятия навстречу гостям.

— Придите, — воззвал он, — обнимите меня. Вас дракон не укусит.

И весь двор обходился с ними с отменной учтивостью и честью, но леди Игрэйна заглянула в темное сердце короля и увидела, что он хочет учинить над ней насилие. Он смотрел на нее с похотью и хитростью. Один раз он обхватил герцогиню за плечи и что-то шепнул ей на ухо. Та возмущенно покачала головой и вырвалась из рук короля. Игрэйна тут же поспешила к своему супругу и рассказала ему о том, что произошло между нею и королем. Герцог так разъярился, что ударил кулаком в стену и прорвал гобелен²⁶ в большом зале.

— Нас пригласили сюда, чтобы обесчестить! — воскликнул он. — На это я никогда не соглашусь. Без чести нет рыцарства.

— Выведем наших лошадей, — посоветовала ему Игрэйна, — и поскачем прочь как можно быстрее. Я готова скакать всю ночь.

И хотя ночь — время дурное, они бежали ночью и направились в Тинтаджиль. Узнав об их бегстве, Пендрагон страшно разгневался, а всем жителям Англии было известно: гнев короля — неотвратимая смерть. Он собрал совет своих вельмож и объявил им, что его обесчестил «ничтожный герцог, который правит ничтожным племенем в Корнуолле». Один из советников предложил ему призвать герцога с герцогиней обратно под страхом сурового королевского наказания, но герцог ответил на этот призыв, не промедлив ни минуты: никогда он не позволит своей жене предстать перед тираном. От такого ответа Пендрагон разъярился пуще прежнего и послал герцогу согнутый меч в знак презрения. «Готовься к войне, — писал он ему. — Созывай своих подданных. Защищай свои замки. Утер Пендрагон идет, чтобы уничтожить тебя. Я сотру тебя в прах. Я вонжу свое копье в твою супругу».

Получив согнутый меч и такое послание, герцог, не теряя времени, созвал войско и подкрепление. Он оставил супругу в замке Тинтаджиль, где ее защищали скалы и волны, и поспешил поставить гарнизон в замке, именуемом Грозным²⁷. То был могучий замок из черного гранита и черного мрамора, с множеством хитроумных проходов и потайных дверей, где засада и смерть ждали беспечного.

Пендрагон же вышел из Винчестерского дворца и со своим великим войском двинулся в Корнуолл. Корнуолл был в ту пору пустынной областью, малоизвестной в других частях страны. Говорили, будто господствуют там ведьмы да волшебники. И вот король добрался до замка Грозного, у слияния двух рек, и осаждал его пятьдесят дней и пятьдесят ночей. Пролилось много крови, и много храбрых мужей лишилось жизни в стычках и вылазках в пору этой осады.

А потом Пендрагон заболел. Лицо его сделалось бледным, глаза стали огромными. Он едва дышал, сердце ослабло. Один из его придворных, Ульфиус, приблизился к нему, когда

он лежал, вздыхая, на шелковом ложе, отделанном драгоценностями в форме звезд²⁸.

— Ах, повелитель! — шепнул он. — Вы страдаете от некоего сильного расстройства. Не знаете ли вы, чем оно может быть вызвано?

— Два величайших врага человека, гнев и любовь, борются ныне во мне. Ненависть к герцогу Корнуэльскому снедает меня. Любовь к его жене Игрэйне губит меня. Куда обратиться? К какому богу взывать? Вижу я, что суждено мне умереть вдали от родных в жестоком краю Корнуолла.

— Есть человек, который в силах спасти вас, сир.

— Кто же это?

— Мерлин, великий волшебник. Это он устроил так, что монастырский храм в Дерби провалился под землю²⁹. Он сумеет вас исцелить. Он найдет средство.

— Приведи его ко мне. Пусть сотворит свою магию с моими несчастными костями.

И Ульфиус отправился в путь, все время шепча про себя имя Мерлина: он знал, что волшебник посвящен в тайны всех вещей и расслышит свое имя, подхваченное ветром. Птичьи голоса или пение трав донесут ему. Ульфиус ехал вперед и на пути встретил нищего, стоявшего посреди большой дороги. Нищий стоял спиной к рыцарю, накинув на голову капюшон, и как будто разглядывал что-то на земле.

— Отойди, — велел ему Ульфиус. — Освободи дорогу!

— Вам жаль уделить бедняку немного места на пыльной дороге? — возразил нищий.

— Пошел прочь, не то разрублю тебя надвое мечом! Не пристало рыцарю спорить с таким, как ты.

— А если я знаю, кого вы ищете? Если знаю и ваше имя, Ульфиус?

— Кто ты?

— Я тот, кто тебе нужен. Я — Мерлин! — И он вытянул руки ладонями вверх, и его нищенское рубище преобразилось в одеяние из белого шелка. — Я владыка магии.

— Тогда эта встреча к счастью.

— Скажи Утеру Пендрагону, что я исцелю его от недуга, но с одним условием: он должен отдать мне, чего я пожелаю, без сомнения, без колебаний. Если он согласится, я исполню любые его желания.

— Я скажу это ему, как только к нему вернусь. Уверен, он даст тебе обещание и сдержит его.

— Хорошо. Король получит то, чего он желает. Об этом я позабочусь. А теперь возвращайся к нему. Ты ненамного опередишь меня — я сильно не отстану.

Приободрившись, Ульфius галопом поскакал обратно и подъехал к королевскому шатру, поставленному в поле перед замком Грозным. Рыцарь вошел и склонился перед Пендрагоном, который все так же лежал в постели, страдая от сердечного недуга.

— Я нашел Мерлина, господин мой король.

— Где он?

— Сказал, что явится вскоре, сир!

Теперь мы поведаем о рождении короля Артура

Послышался шум, как бы трепет птичьих крыльев, и у входа в палатку предстал Мерлин. Еще миг — и волшебник уже стоит возле кровати короля:

— Государь, — сказал Мерлин, — я знаю, что у вас на сердце. Я знаю ваши тайны. Если вы поклянетесь мне честью истинного, помазанного короля, что исполните мое желание, то я исполню ваше.

— Принесите Святую Книгу, — велел Пендрагон придворным. И он поклялся на Библии.

— Вот мое желание, — сказал Мерлин. — В первую ночь, когда вы возляжете с Игрэйной, вы зачнете дитя. Я хочу, чтобы ребенок был на следующий же день после рождения доставлен мне. Я воспитаю его так, что он принесет вам обоим великую честь и славу.

— Клянусь, я так и сделаю, — ответил король. — Дитя отдадут тебе.

— Так приготовьтесь, господин король. В эту ночь вы ляжете с Игрэйной в замке Тинтаджиль. Вы явитесь в облики ее мужа, герцога, сэр Ульфиус превратится в сэра Брастиаса, рыцаря из свиты герцога, я же стану сэром Джорданусом. Не говорите с ней много, скажите, что вы занедужили, и отведите ее в постель. Не покидайте ее ложа, покуда я не приду за вами поутру. До Тинтаджилья всего десять миль³⁰.

И вот эти трое оседлали коней и отправились в путь.

Герцог Корнуольский с крепостной стены видел, как они отъезжали. Он не знал, куда они отправились, но решил воспользоваться отсутствием короля. Он сделал вылазку из задних ворот замка и напал со своими воинами на осаждавших. В этом сражении герцог погиб. Стрела вонзилась ему в левый глаз, как вонзится она спустя столетия в глаз последнего короля Англии³¹. Он пал мертвым наземь еще прежде, чем Пендрагон добрался до замка Тинтаджиль.

Предложенная схема сработала. Утер Пендрагон возлег в ту ночь с Игрэйной в образе герцога Корнуэльского через три часа после смерти самого герцога³², и так был зачат мальчик, которого назовут Артуром. На рассвете следующего дня Мерлин подошел к супружескому ложу и велел королю отправляться в путь. Король поцеловал Игрэйну и распрощался с ней. Позднее, узнав, что ее муж погиб в сражении за несколько часов до того, как прибыл другой, принявший его облик, Игрэйна призадумалась: кто же возлег с ней под видом ее господина? Однако она горевала втайне и хранила молчание. Она была осторожна.

Тогда бароны королевства пришли к единому мнению, что королю следует примириться с благородной леди Игрэйной. Сэр Ульфиус был назначен вести переговоры и заключить между ними союз.

— Этот договор угоден нам всем, — сказал Ульфиус. — Игрэйна — прекрасная дама, а наш король — славный воин. Их союз принесет счастье и процветание.

И вот они представили свой план королю, и тот, разумеется, тут же его одобрил. Про себя он ликовал. Немного времени спустя, в тот же месяц, Утер Пендрагон и Игрэйна обвенчались ясным утром при великой радости и ликования народа. Колесница доставила их к великому каменному кругу в долине Солсбери³³, где всегда совершались браки правителей Англии, и подданные окружили их, держа в руках свежесрезанные ветви лавра.

В ту же пору король распорядился выдать замуж и дочерей новоиспеченной королевы. Лот, король Лотиана и Оркнея, взял в жены Моргаузу, и от их брака родился Гавейн. Нантрес, король Гарлота, женился на Элейн. Третья дочь Игрэйны, Фея Моргана, находилась в монастыре, и там она узнала тайну волшебного камня и была посвящена в секретные искусства. Спустя годы Фея Моргана вышла замуж за короля Уриенса из страны Гоор; они родили сына, который стал зваться сэр Увейн Белоручка. И от всего этого в королевстве произошло множество бед.

День за днем Игрэйна становилась тяжелее в ожидании дитяти. Однажды ночью Утер, лежа подле нее, потребовал во имя верности, коей супруга ему обязана, ответить, от кого она носит дитя. Она же устыдилась и не хотела отвечать.

— Не печалься, — сказал ей король. — Поведай мне правду. Я буду еще более тебя любить за твою честность.

— Я скажу тебе правду, господин мой. В ту ночь, когда погиб мой первый супруг, в его обличии в Тинтаджиль явился кто-то неведомый с тем же лицом, что у герцога, с той же речью. С ним было двое спутников, которых я приняла за сэра Брастиаса и сэра Джордануса. Так я была обманута. Я исполнила свой долг и возлегла с ним на супружеском ложе. Клянусь перед Богом, что в ту ночь и было зачато это дитя.

— Знаю, милая супруга, что ты говоришь правду. Это я пришел в твой замок. Я возлег с тобой. Я — отец этого ребенка, — и он рассказал ей о магии Мерлина, и королева дивилась и радовалась чрезвычайно тому, что отцом ее отпрыска оказался Утер Пендрагон.

Затем к королю явился Мерлин.

— Государь, — сказал он, — вы должны выполнить свое обещание. Когда ребенок родится, отдайте его мне.

— Если таково твое желание, так и будет.

— Я знаю в ваших землях лорда, который верен и честен. Его зовут сэр Гектор, он держит землю в Англии и Уэльсе. Я выбрал его опекуном вашего ребенка. Он будет его беречь. Пошлите за этим лордом, государь, и поручите ему воспитывать дитя в любви и чести; пусть его супруга вскормит его как своего. Когда ребенок родится, не крестите его³⁴, а сразу вынесите мне его сюда, к задним воротам.

Все было исполнено, как просил Мерлин. Сэр Гектор явился ко двору и, принеся королю присягу верности, согласился растить отпрыска Утера Пендрагона как своего собственного. Король вознаградил его многими дарами. Когда Игрэйна разрешилась от бремени, новорожденного завернули в златотканые одежды, и король велел двум лордам и двум дамам отнести его «тому бродяге, которого вы встретите у задних ворот замка. Ни о чем его не спрашивайте». Дитя доставили Мерлину, и тот пальцем начертал на лбу младенца таинственный знак. Затем он отнес мальчика в замок сэра Гектора, и там его крестил священник и дал ему имя Артур. И Артур был вскормлен супругой Гектора.

Теперь мы поведаем о мече в камне

Два года спустя Утера Пендрагона поразил суровый недуг, и пока он, въздыхая, лежал на одре болезни, враги напали на его королевство и разбили его войско.

— Государь, — сказал ему Мерлин, — вы не должны лежать тут в замке. Надобно возглавить сражение, пусть даже вас понесут на носилках. В короле заключена мощь страны³⁵. Вы никогда не одолеете врагов, если не выступите против них самолично. Только так удастся одержать победу.

— Я сделаю, как ты советуешь, — ответил король. — Я знаю: твои заклинания поддержат и спасут меня.

Люди короля понесли его на носилках во главе большого войска, и у Сент-Альбанса он одержал великую победу над врагами, пришедшими с севера. Его воины перебили множество народу, а прочих обратили в бегство. Утер Пендрагон торжественно возвратился в Винчестер, высоко вздымались знамена победы.

Но к королю вернулся его недуг и сделался хуже прежнего. Три дня и три ночи он лежал, лишившись дара речи. Бароны королевства сильно взволновались и просили совета у Мерлина.

— Лекарства нет, — сказал им волшебник. — Воля Божья должна свершиться. Но вот что я вам скажу: соберитесь завтра перед королем. Я сделаю так, что он сможет говорить с вами.

Итак, бароны собрались на следующее утро перед своим государем, и Мерлин громко заговорил с королем:

— Государь, — сказал он ему, — есть ли на то ваша воля, чтобы ваш сын Артур был помазан королем после вашей смерти?

Король повернулся к баронам и во всеуслышание ответил:

— Я даю ему благословение Господа Всемогущего и мое собственное. Пусть он будет коронован как мой преемник, и я заклинаю его молиться о моей душе, когда я упокоюсь.

И с этими словами король умер. Вскоре его похоронили со всеми подобающими почестями внутри великого круга камней. Тысяча мужчин и тысяча женщин оплакивали его, вознося к небесам множество жалоб и воплей. По всей стране зажгли факелы, указывая усопшему путь³⁶.

Настали времена тревог и раздоров. Многие лорды в той стране сами желали править и готовы были вступить в битву за корону Англии. И вот Мерлин наведася к архиепископу Кентерберийскому³⁷.

— Сзовите всех вельмож и рыцарей королевства, достойный сэр, — сказал он ему. — Велите им под страхом отлучения сойтись в городе в праздник Рождества³⁸. Они станут

свидетелями чуда. Владыка вселенной объявит в сей день, кому суждено стать владыкой нашего королевства.

И архиепископ разослал призыв, и вельможи стекались в столицу в надежде узреть своего нового повелителя. В пути они молились и исповедовались, чтобы приуготовиться и быть чистыми.

В большом лондонском храме — было ли то Аббатство или собор Святого Павла³⁹, не припомню — в день Рождества собрались все сословия королевства. Они сошлись там перед рассветом и прослушали утреню, а потом и раннюю мессу. И когда они вышли на церковный двор, то увидели чудо. Послышался звук, подобный грому, и большой осколок камня, примерно в четыре квадратных фута*, повис у них над головами, а затем рухнул под оградой церкви. Осколок был мраморный, и посреди него были стальная наковальня и меч. Надпись на мече гласила: «Тот, кто сумеет вытащить меч из камня и наковальни, станет законным королем всей Англии». Все чрезвычайно изумились, и взволнованный шум толпы донесся со двора даже до оставшихся в храме. Архиепископ вышел, дабы узнать причину такого переполоха. При виде меча и камня он склонил голову и прошептал какие-то слова.

— Я приказываю вам всем, — сказал затем он, — вернуться в церковь и молиться. Ни один человек не смеет коснуться меча, пока не закончится богослужение.

По окончании службы могущественные люди королевства хлынули на церковный двор. Все они видели камень и читали надпись на нем. Те, кто хотел править, пытались вытащить меч, однако никакими силами не могли его даже сдвинуть.

— Нет среди нас того, кто мог бы достать этот меч, — сказал архиепископ. — Но я верю, что Господь укажет его нам. А пока оставим десять рыцарей сторожить камень и разошлем во все края призыв: кто хочет править этим королевством, пусть приезжает сюда и попытает счастья.

* 60 × 60 см.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru